

Т. В. Дубровская
Пенза, Россия

Я. А. Ярославцева
Ульяновск, Россия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «СЛАБОСТЬ» В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. Проводится исследование семантической категории «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе. Рассматриваются корпусы текстов, состоящие из речей официальных представителей внешнеполитических ведомств России и США. Цель статьи — выявить языковые средства, выражающие категорию «слабость», а также функциональную роль этой семантической категории во внешнеполитическом дискурсе с точки зрения конструирования отношений между Россией и США. Методологически работа основывается на семантико-прагматическом подходе, который предполагает выявление конституирующих компонентов категории «слабость» в социопрагматическом контексте и описание языковых способов реализации этих компонентов. Новизна исследования состоит в том, что в рамках изучения внешнеполитического дискурса ранее не рассматривалась категория «слабость» как член семантической оппозиции «сила — слабость», имплицитно задействованный в репрезентации России и США как политических акторов и отношений между ними. Слабость выступает в качестве вспомогательной категории, относительно которой конструируется сила. Языковые средства реализации категории «слабость» редко являются эксплицитными. Наряду с лексикой, имеющей семантические компоненты слабости, уменьшения, непостоянства и безысходности, реализация категории «слабость» происходит также за счет применения указаний на необходимость актора в защите и на перераспределение силы между акторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантические категории; внешнеполитический дискурс; дискурсивное конструирование; межнациональные отношения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык» историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет; 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: gynergy74@gmail.com.

Ярославцева Яна Алексеевна, аспирант, Пензенский государственный университет (Пенза); старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова; 432071, Россия, Ульяновск, пер. Карамзина, д. 3/2; e-mail: yana.yaroslavcev@mail.ru.

Введение

Настоящая статья является частью научного проекта, направленного на выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в различных типах дискурса: политическом, юридическом и массмедийном. Конструкционистский подход, а также некоторые результаты проведенного исследования были изложены в ряде публикаций [Дубровская 2016б; Дубровская, Кожемякин 2015; Ярославцева, Дубровская 2015].

Конструирование межнациональных отношений во внешнеполитическом дискурсе изучается в том числе на основе анализа оппозиции между семантическими категориями «сила» и «слабость», которые задействованы в репрезентациях России и США как политических акторов и отношений между ними. В связи с этим материал исследования включает тексты устных выступлений официальных представителей дипломатических ведомств данных государств. Корпусы текстов охватывают период с 2014 по 2017 г. включительно. В качестве источника материалов были использованы официальные сайты Министерства иностранных дел Российской Федерации (www.mid.ru) и Государственного департамента США (www.state.gov).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

Категория «сила» была детально рассмотрена нами как средство репрезентации политических акторов — государств, их характеристик и действий на международной арене [Ярославцева 2015; Ярославцева 2016]. С точки зрения методологии в основе представленных исследований лежит семантико-прагматический подход, который предполагает выявление конституирующих семантических компонентов категории «сила» в контексте. Таким образом, семантическая структура категории «сила» моделируется «не на основе словарных дефиниций, толкований паремий или иных закреплённых в языковой системе значений, а на основе интерпретации корпуса внешнеполитических текстов в их социо-прагматическом контексте» [Дубровская 2016а: 30]. Исследования показали, что сила как характеристика политических акторов является востребованной во внешнеполитическом дискурсе. Востребованность и частое обращение к этой категории в дискурсе обуславливают ее сложный компонентный состав, возможность выделить следующие группы семантических компонентов, которые актуализируются в разных контекстах и прагматических ситуациях: 1) качества, присущие актору; 2) способы пове-

дения по отношению к другим акторам; 3) последствия действий актора.

Существуют различные работы, посвященные категории «сила», что подтверждает ее популярность, в том числе и в политической жизни. Так, в одной из таких работ отмечается важность концепта «сила» в России в Путинскую эпоху и предлагаются потенциальные объяснения этого феномена с исторической точки зрения [Вражнова и др. 2009]. Политологи рассматривают термины и концепции внешнеполитической риторики, уделяя значительное внимание инструментам внешней политики, включающим «мягкую», «жесткую» и «умную» силы [Гусаков 2011; Будаев 2014; Фурсов 2014; Пшегорский 2015 и др.].

Подобные работы о выражении слабости в политическом дискурсе нам не знакомы. Очевидно, категория «слабость» ярко не актуализируется, поскольку акторы в большей степени концентрируются на различных проявлениях силы, которая используется ими в целях завоевания и удержания власти на международной арене. В то же время категория «слабость» как имплицитная семантическая категории также фигурирует в дискурсе. Цель настоящей работы — выявить языковые средства, выражающие категорию «слабость», а также функциональную роль этой семантической категории во внешнеполитическом дискурсе с точки зрения конструирования отношений между Россией и США.

Анализ и обсуждение

Как мы отметили выше, категория «слабость» не получает эксплицитного выражения во внешнеполитическом дискурсе. Однако представляется возможным выделить ряд контекстов, в которых реализуется данная категория.

Во-первых, слабость может конструироваться как свойство, приписываемое актору-конкуренту. Эксплицитные формы выражения слабости достаточно редки, но отдельные примеры есть в нашем материале. Так, С. В. Лавров характеризует политического оппонента, обозначенного номинацией «Запад», как актора ослабевающего, теряющего силу и влияние:

(1) *Сказалось и желание западных элит показать, что отмечавшаяся весь последний период тенденция **снижения относительного веса Запада в глобальном балансе сил** не является необратимой* (Лавров. 04.06.2014).

Видим, что категория «слабость» не получает прямой номинации, а конструируется посредством отглагольного существительного *снижение* перед указанием на силу (*ба-*

ланс сил). Сила и слабость образуют взаимосвязанную пару, и указание на снижение силы предполагает слабость.

В российском внешнеполитическом дискурсе США может получать репрезентации слабого актора межнациональных отношений:

(2) *Россией пугают во время американской предвыборной кампании с четко поставленными определенными целями. К сожалению, это показатель абсолютного **бессилия, беспомощности**, а может быть, даже **тупика** новых электоральных идей* (Захарова. 07.09.2016).

В представленном комментарии об обвинении России во вмешательстве в американскую предвыборную кампанию США репрезентируются как актор, вынужденный по причине своей беспомощности и слабости прибегать к грязным методам внешнеполитической борьбы. Категория «слабость» конструируется эксплицитно лексическими средствами — существительным *бессилие* и его синонимом *беспомощность*.

Неспособность США воздействовать на другой политический субъект представлена и в другом примере, в котором слабость выражается при помощи фразеологизма *тешить себя иллюзиями*:

(3) *В США, конечно, могут и дальше **тешить себя иллюзиями** насчет того, что на Россию можно „надавить“* (Рябков. 21.06.2017).

Отметим, что данный контекст конструирует выраженную оппозицию между слабым актором — США и сильным актором — Россией, внешнее воздействие на которого невозможно.

В американском внешнеполитическом дискурсе Россия как основной актор-оппонент также может конструироваться как слабая сторона:

(4) *Russia chose this brazen act of aggression and moved in with its forces on a completely trumped up set of pretext, claiming that people were threatened. And the fact is that **that's not the act of somebody who is strong. That's the act of somebody who is acting out of weakness and out of a certain kind of desperation*** (Kerry. 02.03.2014).

В приведенном примере проводимая политика России в отношении Украины эксплицитно конструируется как проявление слабости актора при помощи лексемы *weakness* и отрицательной конструкции от обратного (*not the act of somebody who is strong*). Агрессия РФ репрезентируется в дискурсе бывшего госсекретаря США как поступок, совершенный от безысходности (*out of a certain kind of desperation*), что лишь подчеркивает слабость актора.

В нашем материале американского дискурса были найдены и другие примеры актуализации категории «слабость» в контексте репрезентации России. Так, в следующем примере РФ конструируется как экономически слабый актор:

(5) *As investors' confidence **dwindles**, some \$70 billion in capital **has fled** the Russian financial system in the first quarter of 2014, more than all of last year. Growth estimates for 2014 **have been revised downward** by two to three percentage points. And this follows a year in which GDP growth was **already the lowest** since 2009. Meanwhile, the Russian Central Bank has had to spend more than \$20 billion to **defend the ruble, eroding** Russia's buffers against external shocks* (Kerry. 24.04.2014).

В репрезентации задействован ряд языковых средств, включая глаголы (*dwindles, has fled, have been revised downward*), а также превосходную степень прилагательного (*the lowest*), выражающих бедственное положение экономики России. Слабость РФ подчеркивается и необходимостью защиты актора, актуализируемой при помощи инфинитивной конструкции цели (*to defend the ruble*) и причастного оборота (*eroding against external shocks*).

Имплицитным способом конструирования слабости как качества иного актора представляются также рекуррентные ссылки на изменение мирового порядка и усиливающуюся многополярность мира. В речи С. В. Лаврова мы отметили два слова, которые можно назвать ключевыми: *полицентричный* и *многополярность*. Их упоминания встречаются почти в каждом его выступлении:

(6) *Мы наблюдаем процесс формирования новой **полицентричной международной системы*** (Лавров. 21.01.2014).

(7) *В значительной степени эти процессы связаны с продолжающимся формированием нового **полицентричного мироустройства*** (Лавров. 03.03.2014).

(8) *В последнее время все отчетливее проявляется противоречие между объективно **укрепляющейся многополярностью** и **стремлением США** и исторического Запада **сохранить свои привычные доминирующие позиции*** <...> (Лавров. 04.06.2014).

В последнем из приведенных примеров имплицитно конструируется оппозиция между доминирующими сильными США в прошлом и укрепляющейся многополярностью, предполагающей потерю Америкой части своего влияния и, как следствие, ослабление актора.

Использование лексем *полицентричный* и *многополярный* в предлагаемых выше

контекстах подразумевает изменения в распределении сил среди политических акторов: усиление одних и ослабление других. При этом актором, набирающим силу, всегда имплицитно репрезентируется Россия. Очевидно, что в следующем примере утверждение о стремлении «изолировать кого-то из ведущих игроков» касается России и санкций против нее. Высказывание конструирует оппозицию, приписывая слабость США (*не могут дать результата*), а силу — другим политическим акторам (*несколько самостоятельных центров силы, кого-то из ведущих игроков*):

(9) *В современном мире, где действуют несколько самостоятельных центров силы, попытки изолировать кого-то из ведущих игроков или навязывать свои односторонние рецепты с позиций некой „исключительности“ США не могут дать результата* (Лавров. 09.12.2014).

Во-вторых, категория «слабость» может актуализироваться в утверждениях о необходимости сотрудничества между политическими акторами. Основным семантическим компонентом слабости в таких контекстах является неспособность решать внешнеполитические вопросы индивидуальными силами. Так, в следующем русском примере слабость характеризует обоих акторов международных отношений: Россия и США репрезентируются как неспособные независимо друг от друга решить проблему борьбы с терроризмом, тогда как союз акторов делает их сильными:

(10) *Так что **в одиночку ни Россия, ни США, ни кто-либо другой ничего сделать не смогут, а вместе у нас получается*** (Лавров. 01.02.2014).

Категория «слабость» выражена предикатом *ничего сделать не смогут*, который относится и к России, и к США. В данном примере слабость не имеет выраженной оценочности, однако бессилие, неспособность выполнить какую-то задачу обычно оценивается отрицательно. Иными словами, отрицательная оценка слабости заложена в имплицатуре. В примере конструируется и оппозиция между слабостью и силой посредством синтаксической конструкции противопоставления (*в одиночку не смогут, а вместе получается*). Важно, что противопоставление конструируется не между двумя акторами (Россией и США), а между ситуациями, в которых акторы находятся в разных отношениях друг с другом, что определяет и качества каждого индивидуального актора: порознь — слабость, вместе — сила. Таким образом, категории силы и слабости вступают в оппозицию.

Наконец, слабость выступает как характеристика третьих акторов, связанных с Россией и США опосредованно. Это акторы, которые репрезентируются в российском и американском внешнеполитическом дискурсе как получающие поддержку сильных акторов, России и США. В российском внешнеполитическом дискурсе в качестве такого слабого актора, которому требуется помощь и поддержка, нередко выступает Украина:

(11) *Люди, которые хотят спастись на российской территории от ужаса, в который погружен Юго-Восток Украины, получают у нас пристанище* (Лавров. 10.06.2014).

В приведенном фрагменте Россия репрезентируется как актор, способный принять на своей территории нуждающихся и обеспечить их безопасность. На фоне слабости другого актора Россия конструируется через оппозицию как сильный актор.

В другом выступлении представителя дипломатического ведомства РФ слабым внешнеполитическим актором предстает Сирия, где продолжаются военные действия:

(12) *В свою очередь считаем, что в настоящее время необходимо приложить усилия для поддержания пока еще хрупких процессов стабилизации военно-политической обстановки на сирийской земле, создать условия для восстановления там мира, уничтожить террористическую угрозу, исходящую от ИГИЛ, „Хейят Тахрир аш-Шам“ и подобных им группировок* (Захарова. 14.07.2017).

В данном примере эксплицитное конструирование слабости Сирии достигается при помощи прилагательного *хрупкие*, характеризующего происходящие в Сирии процессы. Сирия репрезентируется как актор, нуждающийся в помощи сильной России, политика которой направлена на скорейшее урегулирование сирийского вопроса (*приложить усилия, создать, уничтожить угрозу*). Таким образом, сила России в этом примере конструируется за счет оппозиции — *сильная Россия vs слабая Сирия*.

В американском внешнеполитическом дискурсе также наблюдается конструирование силы актора на фоне слабости другого:

(13) *Our ultimate goal is the restoration of the rule of law and political expression, civil rights for the people of Venezuela. That's the United States — that's the United States goal in its urging the — our fellow members of the OAS to vote for this resolution as a step that we as an organization can take to facilitate a resolution of this crisis in Venezuela* (Sullivan. 20.06.2017).

В представленном отрывке слабость Венесуэлы конструируется как неспособность самостоятельно справиться с тяжелым внутривнутриполитическим кризисом. Обеспечить урегулирование политической ситуации в стране готовы сильные США (*to facilitate a resolution of this crisis*), несущие свои демократические ценности в другое государство.

Выводы

Кратко подведем итоги анализа. Несмотря на то что категория «слабость» гораздо более имплицитна, мы можем сделать некоторые заключения. Во внешнеполитическом дискурсе семантическая категория «слабость» представляется менее востребованной, чем категория «сила», поскольку для внешнеполитического дискурса характерна функция удержания власти и защиты национальных интересов, требующая вербальных проявлений силы. Категория «слабость» не имеет явно выраженной компонентной структуры, которая была выявлена нами при изучении категории «сила», но эта категория имеет свою функциональную специфику. Слабость практически никогда не выступает в качестве смыслового предиката в саморепрезентациях, поскольку всегда связана с отрицательным аксиологическим зарядом. Это либо утверждение слабости актора-оппонента, либо характеристика третьего актора, на фоне которого утверждается собственная сила. Слабость выступает в качестве вспомогательной категории, относительно которой конструируется сила. Менее эксплицитными представляются и языковые средства реализации «слабости». Наряду с лексикой, имеющей семантические компоненты слабости, уменьшения, непостоянства и безысходности, реализация категории «слабость» происходит также за счет применения указаний на необходимость актора в защите и на перераспределение силы между акторами.

Таким образом, можно говорить о функционировании категории «слабость» во внешнеполитическом дискурсе как члена семантической оппозиции «сила vs слабость», имеющего свои функции в дискурсе и специфические средства языкового выражения.

ИСТОЧНИКИ

1. Захарова. 07.09.2016 = Интервью официального представителя МИД России телеканалу «Россия 24». 2016. 7 авг. URL: <https://russian.rt.com/article/319953-zaharova-obvinenie-rossii-v-hakerstve--pokazatel> (дата обращения: 31.07.2017).
2. Захарова. 14.07.2017 = Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой (Москва, 14 июля 2017 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2815668 (дата обращения: 31.07.2017).

3. Лавров. 21.01.2014 = Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2013 году (21 янв. 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/79890 (дата обращения: 23.07.2017).

4. Лавров. 01.02.2014 = Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова и ответы на вопросы участников 50-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (Мюнхен, 1 февр. 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/78502 (дата обращения: 23.07.2017).

5. Лавров. 03.03.2014 = Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе сегмента высокого уровня 25-й сессии Совета ООН по правам человека (Женева, 3 марта 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/72642 (дата обращения: 23.07.2017).

6. Лавров. 04.06.2014 = Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на встрече с членами Российского совета по международным делам (Москва, 4 июня 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57150 (дата обращения: 20.07.2017).

7. Лавров. 10.06.2014 = Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Польши Р. Сикорским и Министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером (Санкт-Петербург, 10 июня 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56662 (дата обращения: 24.07.2017).

8. Лавров. 09.12.2014 = Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова МИА «Россия сегодня» (Москва, 9 дек. 2014 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/817710 (дата обращения: 25.07.2017).

9. Рябков. 21.06.2017 = Комментарий заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябкова по поводу новых антироссийских санкций США (21 июня 2017 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publbaOCjv/content/id/2792045 (дата обращения: 28.07.2017).

10. Kerry. 02.03.2014 = Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation, Boston, MA, March, 3, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222783.htm> (date of access: 25.07.2017).

11. Kerry. 24.04.2014 = Remarks on Ukraine, Washington, DC, April, 24, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225166.htm> (date of access: 27.07.2017).

12. Sullivan. 20.06.2017 = Remarks at a Solo Press Availability, Cancun, Mexico, June 20, 2017. URL: <https://www.state.gov/t/pa/prs/ps/2017/06/272073.htm> (date of access: 24.07.2017).

ЛИТЕРАТУРА

13. Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2014. 24 с.

14. Вражнова И. Г., Дубровская О. Н., Ермакова Е. В., Харламова Т. В. Современный политический дискурс и СМИ: власть и общество / под ред. Т. В. Харламовой. — Саратов: Наука, 2009. 168 с.

15. Гусаков А. В. «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вестн. Ин-та стратегических исследований ИГЛУ: сб. науч. тр. 2011. № 1. С. 15—17.

16. Дубровская Т. В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs. слабость») // Научный диалог. 2016а. № 7 (55). С. 23—44.

17. Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та: журн. теорет. и прикладных исследований. 2016б. № 3. С. 117—123.

18. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2015. № 8 (215). Вып. 27. С. 111—125.

19. Пшегорский А. С. Концепт «мягкой силы» в современном политическом дискурсе и современная внешнеполитическая риторика США // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015. Т. 2. № 1 (4). С. 261—264.

20. Фурсов К. К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. № 2—3. С. 129—133.

21. Ярославцева Я. А. Репрезентация социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе // Язык. Право. Общество: материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. — Пенза: Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2016. С. 310—313.

22. Ярославцева Я. А. Языковые средства выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе // Язык. Право. Общество: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Н. А. Павловой. — Пенза: ПГУ, 2015. С. 199—202.

23. Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 182—191.

T. V. Dubrovskaya
Penza, Russia

Y. A. Yaroslavtseva
Ulyanovsk, Russia

SEMANTIC CATEGORY “WEAKNESS” IN RUSSIAN AND US FOREIGN POLICY DISCOURSE: FUNCTIONAL ASPECT

ABSTRACT. The research of the semantic category of weakness in Russian and US foreign policy discourses is undertaken. The corpora of texts comprising the speeches of the official representatives of foreign policy institutions of Russia and the USA are analyzed. The goal of the article is to single out language means that express the category of “weakness” and to determine the functions of this semantic category in foreign policy discourse from the point of view of relations between Russian and the USA. The methodology of this research is based on semantic and pragmatic approach that implies identification of the constitutive elements of the category of “weakness” in sociopragmatic context and description of the language ways of introduction of these components. The novelty of this research is in the fact that the category of “weakness” in foreign policy discourse hasn't yet been studied from the point of view of semantic opposition of “strength - weakness” representing relations between Russian and the USA implicitly. Weakness is an auxiliary category, with reference to which strength is constructed. The language means of the category of “weakness” are seldom explicit. Alongside with the words with semantic components of weakness, decrease, instability and despair, the category of “weakness” involves the need for protection and redistribution of powers between the actors.

KEYWORDS: semantic categories; foreign policy discourse; discursive modeling; intercultural relations.

ABOUT THE AUTHORS: Dubrovskaya Tatiana Victorovna, Doctor of Philology, Head of the English Language Department, Faculty of History and Philology, Penza State University, Penza, Russia.

Yaroslavtseva Yana Alekseyevna, Post-graduate Student, Penza State University (Penza); Senior Lecturer, Department of the English Language, Faculty of Foreign Languages, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

REFERENCES

1. Zakharova. 07.09.2016 = Interv'yu ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii telekanalu «Rossiya 24». 2016. 7 avg. URL: <https://russian.rt.com/article/319953-zaharova-obvinenie-rossii-v-hakerstve-pokazatel> (data obrashcheniya: 31.07.2017).
2. Zakharova. 14.07.2017 = Brifing ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M. V. Zakharovoy (Moskva, 14 iyulya 2017 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2815668 (data obrashcheniya: 31.07.2017).
3. Lavrov. 21.01.2014 = Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na press-konferentsii po itogam deyatelnosti rossiyskoy diplomatii v 2013 godu (21 yanv. 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/79890 (data obrashcheniya: 23.07.2017).
4. Lavrov. 01.02.2014 = Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova i otvety na voprosy uchastnikov 50-y Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti (Myunkhen, 1 fevr. 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/78502 (data obrashcheniya: 23.07.2017).
5. Lavrov. 03.03.2014 = Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode segmenta vysokogo urovnya 25-y sessii Soveta OON po pravam cheloveka (Zheneva, 3 marta 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/72642 (data obrashcheniya: 23.07.2017).
6. Lavrov. 04.06.2014 = Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova na vstreche s chlenami Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam (Moskva, 4 iyunya 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/57150 (data obrashcheniya: 20.07.2017).
7. Lavrov. 10.06.2014 = Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova v khode sovmestnoy press-konferentsii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannykh del Pol'shi R. Sikorskim i Ministrom inostrannykh del FRG F.-V. Shtaynmayerom (Sankt-Peterburg, 10 iyunya 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/56662 (data obrashcheniya: 24.07.2017).
8. Lavrov. 09.12.2014 = Interv'yu Ministra inostrannykh del Rossii S. V. Lavrova MIA «Rossiya segodnya» (Moskva, 9 dek. 2014 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/817710 (data obrashcheniya: 25.07.2017).
9. Ryabkov. 21.06.2017 = Kommentariy zamestatelya Ministra inostrannykh del Rossii S. A. Ryabkova po povodu novykh anti-rossiyskikh sanktsiy SShA (21 iyunya 2017 g.). URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publbaOCjv/content/id/2792045 (data obrashcheniya: 28.07.2017).
10. Kerry. 02.03.2014 = Interview With Bob Schieffer of CBS's Face The Nation, Boston, MA, March, 3, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/03/222783.htm> (date of access: 25.07.2017).
11. Kerry. 24.04.2014 = Remarks on Ukraine, Washington, DC, April, 24, 2014. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/04/225166.htm> (date of access: 27.07.2017).
12. Sullivan. 20.06.2017 = Remarks at a Solo Press Availability, Cancun, Mexico, June 20, 2017. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/06/272073.htm> (date of access: 24.07.2017).
13. Budaev A. V. Rol' «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 2014. 24 s.
14. Vrazhnova I. G., Dubrovskaya O. N., Ermakova E. V., Kharlamova T. V. Sovremennyy politicheskiy diskurs i SMI: vlast' i obshchestvo / pod red. T. V. Kharlamovoy. — Saratov : Nauka, 2009. 168 s.
15. Gusakov A. V. «Zhestkaya» i «myagkaya» sila kak instrumenty vneshney politiki SShA // Vestn. In-ta strategicheskikh issledovaniy PGLU : sb. nauch. tr. 2011. № 1. S. 15—17.
16. Dubrovskaya T. V. Metodologicheskie voprosy issledovaniya oppozitsiy v politicheskom diskurse (na primere oppozitsii «sila vs. slabost») // Nauchnyy dialog. 2016a. № 7 (55). S. 23—44.
17. Dubrovskaya T. V. Yuridicheskiy diskurs kak predmet sotsial'nogo konstruksionizma (konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy) // Vestn. Kemerov. gos. un-ta : zhurn. teoret. i prikladnykh issledovaniy. 2016b. № 3. S. 117—123.
18. Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v SMI: spetsifika reprezentatsii // Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiya. 2015. № 8 (215). Vyp. 27. S. 111—125.
19. Pshegorskiy A. S. Kontsept «myagkoy sily» v sovremennoy politicheskom diskurse i sovremennaya vneshnepoliticheskaya ritorika SShA // Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy. 2015. T. 2. № 1 (4). S. 261—264.
20. Fursov K. K. «Myagkaya», «zhestkaya» i «umnaya» sila v politicheskom diskurse mezhdunarodnogo krizisa vokrug Ukrainy // Diskurs-Pi. 2014. T. 11. № 2—3. S. 129—133.
21. Yaroslavtseva Ya. A. Reprezentatsiya sotsial'nykh aktorov vo vneshnepoliticheskom diskurse // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : materialy 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, A. K. Dyatlovoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : Izd-vo Penzen. gos. un-ta, 2016. S. 310—313.
22. Yaroslavtseva Ya. A. Yazykovye sredstva vyrazheniya kontseptov «sila» i «slabost'» vo vneshnepoliticheskom diskurse // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : materialy 3-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoy, N. A. Pavlovoy. — Penza : PGU, 2015. S. 199—202.
23. Yaroslavtseva Ya. A., Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v zhanakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i SShA) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 182—191.